

РОБЕРТ
ВАЛЬЗЕР

СЕМЕЙСТВО

ТАННЕР

РОМАН

ТЕКСТ

Роберт Вальзер
Семейство Таннер

«WebKniga»

1907

Вальзер Р.

Семейство Таннер / Р. Вальзер — «WebKniga», 1907

ISBN 978-5-7516-1321-1

Когда начал публиковаться Франц Кафка, среди первых отзывов были такие: «Появился молодой автор, пишет в манере Роберта Вальзера». «Это плохая карьера, но только плохая карьера может дать миру свет». Франц Кафка о Симоне Таннере Роман «Семейство Таннер» (1907) известнейшего швейцарского писателя Роберта Вальзера (1878–1956) можно назвать образцом классической литературы. Эта книга чем-то похожа на плутовской роман. Симон, ее неугомонный герой, скитается по свету, меняет места работы, набирается опыта, жизненных впечатлений. Он пытается жить в ладу не только с окружающими его людьми, но и с самим собой. Однако Симону не всегда это удается, и ему приходится пускаться на всяческие хитрости. Произведения Вальзера неоднократно экранизировались (в том числе – средствами анимационного кино), несколько документальных и игровых фильмов сняты о нём самом, признание его во всем мире год от года растет.

ISBN 978-5-7516-1321-1

© Вальзер Р., 1907

© WebKniga, 1907

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Роберт Вальзер Семейство Таннер

License edition by permission of the owner of rights, the Robert Walser-
Stiftung Bern

© Suhrkamp Verlag Zürich 1978 und 1985

© «Текст», издание на русском языке, 2014

Глава первая

Однажды утром некий молодой человек, почти мальчик, вошел в книжную лавку и попросил встречи с хозяином. Просьбу удовлетворили. Книготорговец, старик весьма почтенной наружности, внимательно посмотрел на слегка оробевшего посетителя и предложил ему изложить свое дело.

– Я хочу стать книготорговцем, – начал юноша, – горячо к этому стремлюсь и не представляю себе, что могло бы удержать меня от исполнения этого замысла. Торговля книгами с давних пор кажется мне восхитительным занятием, сам не пойму, отчего все еще изнываю в стороне от милого моему сердцу прекрасного дела. Видите ли, сударь, стоя теперь перед вами, я полагаю себя чрезвычайно подходящим для того, чтобы продавать книги из вашей лавки, в количестве, какое вам заблагорассудится. Я прирожденный продавец – любезный, расторопный, учтивый, быстрый, дельный, решительный, расчетливый, внимательный, честный, но честный не до глупости, как, пожалуй, может показаться с виду. Я могу снизить цены, коли передо мною бедный студент, и взвинтить их, дабы доставить удовольствие богачам, которые, как мне думается, иной раз не знают, куда девать деньги. Хотя я и молод годами, однако смею утверждать, что обладаю некоторым знанием людей, вдобавок я люблю людей, сколь бы разными они ни были; словом, я никогда не поставлю свое знание людей на службу обману, но опять-таки не стану наносить ущерб и вашей почтенной коммерции, слишком уж входя в положение иных бедолаг. Короче говоря, мою любовь к людям прекрасно уравновесит на весах торговли деловой рассудок, столь же важный и, по-моему, столь же необходимый для жизни, как и душа, полная любви: я сумею соблюсти меру в лучшем виде, будьте заранее благонадежны.

Книготорговец смотрел на молодого человека пристально и с удивлением. Словно бы сомневался, хорошее или дурное впечатление произвел на него велеречивый визави. Ему не удавалось сделать однозначный вывод, и, пребывая в некотором замешательстве, он мягко осведомился:

– А могу ли я, молодой человек, навести о вас справки в надлежащем месте?

– В надлежащем месте? Не знаю, что вы подразумеваете под надлежащим местом! – отвечал тот. – Я бы предпочел, чтобы вы вовсе не навели справок. К кому бы вы стали обращаться за справками и чего ради? Вам нараскажут всякой всячины, но будет ли этого достаточно, чтобы успокоить вас касательно моей персоны? Много ли вы узнаете обо мне, если вам, к примеру, сообщат, что происхожу я из очень хорошей семьи, что батюшка мой – человек уважаемый, а братья – люди прилежные, подающие надежды, да и сам я вполне дельный, чуточку легкомысленный, однако тоже подаю надежды и заслуживаю известного доверия, и так далее? Вы бы все равно ничего обо мне не узнали и не имели бы ни малейшего повода с более спокойной душой взять меня приказчиком в свою лавку. Нет, сударь, наведение справок обыкновенно не стоит ломаного гроша, и, коль скоро мне позволительно дать совет вам, человеку в возрасте, я решительно не рекомендую вам этого делать, поскольку знаю, что, будь я способен ввести вас в заблуждение и обмануть надежды, какие вы, опираясь на наведенные справки, возложите на меня, я бы сделал это с тем большим размахом, чем лучше были бы собраны вами отзывы, которые оказались бы лживы, ибо сообщали обо мне только хорошее. Нет, милостивый государь, если вы намерены найти мне применение, прошу вас проявить побольше мужества, нежели многие другие начальники, с коими я имел дело, и принять меня на работу, просто руководствуясь впечатлением, которое я сейчас произвожу. Вдобавок, сказать по правде, отзывы обо мне были бы сплошь неблагоприятны.

– Вот как? Отчего же?..

– Отовсюду, где я бывал, – продолжал молодой человек, – я вскоре уходил, так как не нравилось мне, что мои молодые силы скисают в тесноте и затхлости канцелярий, хотя, по всеобщему мнению, канцелярии были самые лучшие, к примеру банковские. Никто меня до сих пор не увольнял, я всегда уходил по собственному желанию, освобождал должности, которые, конечно, сулили карьеру и все такое прочее, но убили бы меня, если б я остался. Всюду, где я работал, обычно сожалели о моем уходе и не одобряли оный, прочили мне скверное будущее, однако им хватало учтивости все же пожелать мне счастья. У вас, – тут голос молодого человека зазвучал доверительно, – у вас, господин книготорговец, я определенно смогу работать не один год. Во всяком случае, многое говорит о том, что вам стоит взять меня на пробу.

– Ваша откровенность мне по душе, – сказал книготорговец, – я готов позволить вам поработать у меня на пробу восемь дней. Коли справитесь и захотите остаться, мы продолжим разговор.

С этими словами, означавшими, что до поры до времени он отпускает молодого соискателя, старый господин позвонил в электрический звонок, после чего, будто принесенный ветром, явился невысокий мужчина средних лет, в очках.

– Приставьте этого молодого человека к делу!

Очкарик кивнул. Таким вот образом Симон сделался помощником в книжной лавке. Симон, ну да, именно так звали молодого человека...

Примерно в это же время один из братьев Симона, проживавший в столице и знаменитый там доктор Клаус, с беспокойством размышлял о поступках своего младшего брата. Сам он был человек добрый, тихий, исполнительный и от всего сердца бы порадовался, если б его братья, как и он, старший, утвердились в жизни и снискали уважение. Обстояло, однако, не совсем так, по крайней мере до сих пор, фактически обстояло вообще наоборот, так что доктор Клаус в глубине души начал корить себя. К примеру, говорил себе: «Именно у меня давным-давно есть все причины наставить братьев на путь истины. А я по сей день не собрался. Как я только мог упустить эту обязанность и так далее». Доктору Клаусу знакомы тысячи малых и больших обязанностей, и порой прямо-таки возникало впечатление, будто он жаждет еще увеличить их количество. Он был из числа тех, кого потребность исполнять свой долг толкает сооружать из тягостных обязанностей целую башню, шаткую и непрочную, а все от боязни, как бы кто не подумал, будто они уклонились от какой-то тайной, малозаметной обязанности. Скольких же тревожных часов стоят им подобные невыполненные обязанности! Однако такие люди не задумываются о том, что всякая обязанность непременно взваливает на ее исполнителя новую, и полагают, что, пребывая в страхе и тревоге по поводу ее предположительного существования, уже вроде как эту обязанность исполнили. Они с легкостью встрегают во многие дела, которые, коли не вникать в них этак озабоченно, вовсе не касаются их в Божьем мире, и других хотят видеть не менее озабоченными. На живущих без принуждения и свободных от обязанностей они обыкновенно смотрят с завистью, а затем бранят вертопрахами, ведь те идут по жизни так красиво, легко, с поднятой головой. Доктор Клаус частенько принуждал себя к некоей малой, скромной беззаботности, но снова и снова возвращался к серым, унылым обязанностям, в плену коих томился словно в мрачном застенке. Пожалуй, некогда, в молодости, ему хотелось вырваться, но не достало сил бросить неисполненным то, что выглядело как неизбежная обязанность, и с пренебрежительной усмешкой перешагнуть через него. Пренебрежительной? О, он никогда и ничем не пренебрегал! Попробуй он сделать такое, мнилось ему, и его разрежет снизу доверху; он всегда будет с болью думать о том, чем пренебрег. Никогда он ничем не пренебрегал и растратил свою молодую жизнь, объясняя и изучая вещи, совершенно не стоящие ни изучения, ни исследования, ни любви, ни внимания. Шли годы, он стал старше, а поскольку отнюдь

не был бесчувствен и лишен воображения, часто горько упрекал себя, что запомнил об обязанности самому быть хоть чуточку счастливым. И это новое упущение как нельзя более наглядно доказывало, что именно людям долга никогда не удастся исполнить все свои обязанности, что им-то легче легкого проморгать главнейшие обязанности и вновь вспомнить о них лишь впоследствии, когда, пожалуй, уже слишком поздно. Доктор Клаус не раз сокрушался о себе, размышляя об упущенном мирном счастье, – о счастье видеть рядом с собою прелестную юную девушку из конечно же безупречной семьи. Примерно в то самое время, когда с грустью размышлял о себе, он написал своему брату Симону, которого искренне любил и поступки которого его тревожили, вот такое письмо:

«Дорогой брат, судя по всему, ты не имеешь охоты написать о себе. Быть может, дела твои обстоят не лучшим образом, оттого ты и не пишешь. Снова, как уже не раз, у тебя нет прочного, постоянного занятия, и, к моему огорчению, узнал я об этом от чужих людей. От тебя я, по-видимому, на искренние сообщения более рассчитывать не могу. Поверь, это причиняет мне боль. Столь многое сейчас приводит меня в уныние, так неужто и тебе – а я всегда возлагал на тебя большие надежды – надобно еще сильнее омрачать мое настроение, по ряду причин и без того отнюдь не розовое? Я пока не утратил надежд, но, коли ты еще хоть чуточку любишь своего брата, не заставляй меня слишком долго надеяться напрасно. Сделай, наконец, что-нибудь – что угодно! – что позволит с полным правом верить в тебя. У тебя есть способности и, как мне хочется думать, светлая голова, и вообще, ты не обделен смекалкой, и во всех твоих суждениях неизменно отражался добрый стержень, который, по моему убеждению, всегда существовал в твоей душе. Отчего же, хорошо зная устройство нашего мира, ты снова и снова проявляешь так мало терпения, так быстро перекакиваешь от одного к другому? Неужели собственное поведение ничуть тебя не пугает? Волей-неволей я предполагаю в тебе силу, коль скоро ты способен выдержать беспрестанную смену профессий, каковая совершенно никуда не годится. На твоём месте я бы давным-давно потерял веру в себя. Действительно, тут я тебя не понимаю, но как раз по этой причине отнюдь не оставляю надежды однажды увидеть, как ты энергично избираешь некую стезю, окончательно убедившись на собственном опыте, что без терпения и доброй воли ничего в мире добиться нельзя. А ты ведь, наверное, хочешь чего-то добиться. Насколько я знаю, ты не совсем уж лишен честолюбия. Вот почему даю тебе такой совет: наберись терпения, покорись на три-четыре кратких года суровому труду, слушай начальников, покажи, что кое-что можешь и что обладаешь характером, и тогда перед тобою откроется дорога в широкий мир, во все его концы, коли будет охота путешествовать. Ты увидишь мир и людей совершенно по-иному, когда действительно станешь кем-то, сумеешь кое-что значить для мира. Мне кажется, таким образом ты, пожалуй, получишь от жизни куда больше удовлетворения, чем даже ученый муж, который, отчетливо различая нити, на коих подвешена вся жизнь и деятельность, остается прикован к тесному миру своего кабинета, где ему, как я смею утверждать по собственному опыту, частенько бывает не по себе. Сейчас у тебя еще есть время стать замечательно дельным коммерсантом, ты ведь не представляешь себе, что именно коммерсант имеет широчайшие возможности сделать свою жизнь поистине полной и многогранной. Сейчас ты просто-напросто шныряешь по углам и щелкам жизни, а этому надобно положить конец. Пожалуй, мне следовало вмешаться раньше, гораздо раньше, помочь тебе делом, а не словесными увещеваниями, но, как знать, при твоём гордом нраве, устремленном на то, чтобы всегда и везде справляться собственными силами, я бы, пожалуй, скорее обидел тебя, чем сумел по-настоящему убедить. Что ты теперь подельываешь? Расскажи мне. Я ведь очень беспокоюсь о тебе и оттого, наверно, могу рассчитывать, что ты будешь со мною несколько разговорчивее и общительнее. Разве я таков, что надобно остерегаться непринужденно и доверительно подойти ко мне поближе? Разве я внушаю тебе страх? Чего во мне должно сторониться? Может, обстоятельства, что я “старший”, а потому, наверно, знаю чуть

больше, нежели ты? Так вот, знай: я был бы рад снова стать молодым, неразумным, несведущим. Я, милый братец, не так весел, как положено человеку. Я несчастлив. Наверно, мне уже поздно становиться счастливым. Я теперь в таком возрасте, когда мужчина, который еще не имеет своего домашнего очага, не без мучительной тоски размышляет о счастливицах, коим даровано блаженство видеть, как молодая женщина управляет их домашним хозяйством. Любить девушку – это прекрасно, братец. Но мне этого не дано... Нет, тебе решительно нечего опасаться, ведь именно я тебя навещаю, пишу тебе, надеюсь получить приветливый и доверительный ответ. Ты, пожалуй, богаче меня, у тебя больше надежд и куда больше права их питать, у тебя есть планы и перспективы, какие мне и во сне не снятся, я ведь уже не вполне тебя знаю, да оно и не удивительно после стольких лет разлуки. Позволь мне вновь узнать тебя и сделай над собою усилие, напиши мне. Может статься, я еще увижу всех своих братьев счастливыми; во всяком случае, мне хочется, чтобы ты был счастлив. Как поживает Каспар? Пишете ли вы друг другу? Как обстоит с его искусством? Очень бы хотелось узнать что-нибудь и о нем. Будь здоров, братец. Возможно, в скором времени мы свидимся и поговорим. Твой Клаус».

По прошествии восьми дней Симон зашел вечером в кабинет своего хозяина и обратился к нему с такой речью:

– Вы меня разочаровали, нет-нет, не делайте такое удивленное лицо, все решено, я нынче ухожу от вас и прошу выплатить мне жалованье. Пожалуйста, дайте мне договорить. Я в точности знаю, чего хочу. За эти восемь дней вся книжная торговля стала мне отвратительна, коль скоро заключается она в том, чтобы с раннего утра до позднего вечера, пока на улице ласково светит зимнее солнышко, стоять за конторкою, гнуть спину горбом, ибо конторка низка для моего роста, писать, ровно, черт побери, писарь какой, исполнять работу, каковая не подобает моему уму. Я, господин книготорговец, способен на большее, нежели то, что здесь полагают для меня подходящим. Я рассчитывал продавать у вас книги, обслуживать элегантных людей, встречать покупателей поклоном и провожать учтивым «до свидания», когда они соберутся уходить. Еще я думал, мне представится возможность заглянуть в таинственную сущность книготорговли и уловить в деятельности предприятия черты широкого мира. Однако ж не тут-то было. По-вашему, с моей молодостью обстоит так скверно, что мне надобно губить ее и душить в никчемной книжной лавке? Опять-таки заблуждение, ежели вы, к примеру, воображаете, будто спина молодого человека затем и предназначена, чтобы горбиться. Отчего вы не обеспечили меня хорошей, практичной, удобной конторкой? Разве же нет превосходных конторок американского образца? Коль скоро берешь помощника, надобно, по-моему, и устроить его должным образом. Вы, судя по всему, об этом не знали. Господи, чего только не требуют от молодого новичка: и прилежания, и добросовестности, и пунктуальности, и такта, и разумности, и скромности, и умеренности, и целеустремленности, и прочая и прочая. Но кому хоть раз приходило в голову потребовать тех или иных добродетелей от начальника? И что же, прикажете без толку растрчивать силы, желание трудиться, довольство собою и блестящие способности за старой, облезлой, нескладной конторкой? Не-ет, я бы скорее пошел в солдаты и целиком продал свою свободу, просто чтобы вовсе ею не обладать. Я, милостивый государь, не люблю обладать чем-то наполювину, лучше уж примкнуть к совершенно неимущим, тогда хотя бы душа останется в моем владении. Вы, наверно, думаете, что негоже говорить так запальчиво, да и не место здесь произносить речи. Ладно, я умолкаю, расплатитесь со мною, как я заслуживаю, и больше вы никогда меня не увидите.

Старый книготорговец весьма удивился, слыша сейчас такие слова от тихого, застенчивого юноши, который все восемь дней работал с огромным усердием. А из соседнего помещения за происходящим наблюдали столпившиеся у двери человек пять конторщиков и приказчиков.

– Никак я не ожидал от вас такого, господин Симон, – сказал старый хозяин, – не то бы еще подумал, давать ли вам работу. Вы прямо-таки до странности переменчивы в своих решениях. Вам не годится конторка, и оттого сразу не годится все целиком. Из каких краев вы родом и все ли тамошние молодые люди сплошь таковы же, как вы? Подумайте, как вы сейчас выглядите передо мною, стариком. Пожалуй, вам и самому непонятно, чего хочет ваш незрелый ум. Ну что ж, я не стану уговаривать вас остаться, вот ваши деньги, но, по правде говоря, радости я не испытываю.

Книготорговец отсчитал деньги, Симон спрятал их в карман.

Воротившись домой, он нашел на столе письмо брата, прочитал, а потом подумал про себя: «Он добрый человек, но писать ему я не стану. Не сумею описать свое положение, да оно того и не стоит. Для жалоб у меня повода нет, для ликования тоже, зато есть все причины молчать. Он пишет чистую правду, но потому-то я и не хочу идти дальше этой правды. Свои несчастья пусть сам и улаживает, только не верится мне, что он столь глубоко несчастлив. Это в письмах так выходит. По ходу письма человек просто увлекается и делает неосторожные заявления. В письмах душа всегда норовит взять слово и, как правило, выставляет себя в дурном свете. Так что лучше не писать». Тем дело и кончилось. Симона переполняли мысли, прекрасные мысли. Раздумья всегда невольно наводили его на прекрасные мысли. Следующим утром ярко сияло солнце, и он отправился в посредническую контору по приисканию работы. Человек, который сидел там и что-то писал, при виде его встал. Он очень хорошо знал Симона и обыкновенно говорил с ним дружелюбно и чуть насмешливо, как со старым знакомым:

– А-а, господин Симон! Опять к нам пожаловали! По какому же делу?

– Ищу место.

– Вы уже не раз искали через нас место, так-таки и подмывает сказать: поиски ваши повторяются с жутковатой быстротою. – Конторщик засмеялся, но тихонько, на грубый смех он все же был неспособен. – Где вы трудились последний раз, позвольте спросить?

– Я ухаживал за больными, – отвечал Симон, – и, как выяснилось, обладаю всеми задатками для такой работы. Отчего вас удивляет это сообщение? Разве так уж странно, что молодой человек моих лет пробует себя на разных поприщах, стремится быть полезным самым разным людям. По-моему, это очень даже хорошо, ведь такие поступки требуют известного мужества. Гордость моя никоим образом не страдает, напротив, я полагаю, что способен решать разнообразные жизненные задачи и не трепещу перед трудностями, отпугивающими большинство людей. Я могу быть полезным, и мне достаточно этой уверенности, чтобы удовлетворить свою гордость. Я хочу приносить пользу.

– Так почему же вы не остались служить в больнице? – спросил конторщик.

– Нет у меня времени заниматься одним делом, – отвечал Симон, – мне бы и в голову никогда не пришло по примеру многих успокоиться на чем-то одном, словно на пружинном матрасе. Нет, проживи я хоть тысячу лет, все равно так не смогу. Лучше пойду в солдаты.

– Смотрите, как бы впрямь до этого не дошло.

– Пока что есть другие возможности. Насчет пойти в солдаты – просто поговорка, которой я привык заканчивать свои речи. У молодого человека вроде меня возможностей предостаточно. Летом я могу пособить какому-нибудь крестьянину вовремя убрать урожай, он будет рад крепкому помощнику и оценит его по достоинству. Накормит-напоит, а кормят в деревне хорошо, вкусно, когда же настанет пора уходить, даст мне немного наличных, а дочка его, прелестная юная девушка, на прощание улыбнется мне, да так, что, продолжая путь, я долго буду вспоминать ее улыбку. Чем плохо – странствовать пешком, хоть в дождь, хоть в снегопад, коли ты здоров и не обременен заботами? Сидя здесь, в тесноте, вы себе даже не представляете, какое удовольствие испытываешь, шагая проселочными дорогами. Пыльными – так пыльными, не все ли равно? Потом отыщешь на лесной опушке прохладное

местечко, приляжешь, услаждая взор распрекрасным видом, меж тем как все твои чувства предаются естественному отдохновению, а мысли текут куда им заблагорассудится. Вы возразите, что любой другой, к примеру и вы сами, может вкусить все это, во время отпуска. Но что такое отпуск! Сущий смех. Я не желаю иметь с отпусками ничего общего. Я их прямо-таки ненавижу. Только не предлагайте мне места с отпуском. Меня это нимало не привлекает, я просто умру, ежели получу отпуск. Я намерен бороться с жизнью, пока не свалюсь с ног, не хочу ни свободы, ни уюта, я ненавижу свободу, когда ее швыряют мне, как кость собаке. Вот таков он, ваш отпуск. Коли вы думаете, что в моем лице видите перед собою человека, жаждущего отпуска, то вы заблуждаетесь, хотя у меня, увы, есть все основания полагать, что вы думаете обо мне именно так.

– Есть временная вакансия помощника в адвокатской конторе, примерно на месяц. Вам подойдет?

– Конечно, сударь.

Так Симон попал к адвокату. Зарабатывал там неплохие деньги и был вполне счастлив. Никогда мир не казался ему краше, чем в эту пору у адвоката. Он заводил приятные знакомства, целыми днями легко, без труда писал, проверял счета, писал под диктовку, в чем весьма и весьма наторел, вел себя, к собственному удивлению, обаятельно, так что патрон весьма живо о нем заботился, выпивал после обеда чашку чая и за писаниями мечтал, глядя в большое светлое окно. Мечтать, при том без ущерба для своих обязанностей, он умел превосходно. «Я зарабатываю столько денег, – думал он, – что мог бы обзавестись молодой женой». Когда он работал, в окно частенько заглядывала луна, и это его восхищало.

Малютке Розе, своей приятельнице, Симон говорил вот что:

– У моего адвоката длинный красный нос, он тиран, но мы с ним отлично ладим. Я воспринимаю его брюзгливый властный норов как забавный каприз и сам удивляюсь легкости, с какой подчиняюсь всем его требованиям, зачастую несправедливым. Люблю я, когда обстановка чуточку напряженная, она мне по душе, как бы поднимает меня в жаркие высоты, подогревает желание работать. Жена у адвоката красивая, стройная, будь я художником, непременно написал бы ее портрет. Поверьте, у нее дивно большие глаза и прекрасные плечи. Она нередко находит себе какое-нибудь дело в конторе и, наверно, глядит на меня, бедного писаря, свысока. При виде таких женщин меня бросает в дрожь, и все же я счастлив. Вы смеетесь? Увы, перед вами я привык быть совершенно откровенным и надеюсь, вам это по сердцу.

Роза в самом деле любила, когда с нею говорили откровенно. Необычная девушка. Глаза ее сияли чудным блеском, а губки были поистине прелестны.

– По утрам, когда иду на работу, – продолжал Симон, – я ощущаю сродство со всеми, кто, как и я, в восемь заступает на службу. Ох и огромная же казарма – эта наша современная жизнь. И тем не менее сколь прекрасно и глубокомысленно именно такое однообразие. Постоянно тоскуешь о чем-то, что должно бы произойти, должно бы тебе встретиться. Ведь ты ну ничегошеньки не имеешь, гол как сокол, чувствуешь себя совершенно потеряннным во всей этой образованности, упорядоченности, точности. Я поднимаюсь на четыре лестничных марша, вхожу, здороваюсь, приступаю к работе. Господи Боже, как мало я должен сделать, как мало знаний от меня требуется. Здесь словно бы толком и не догадываются, что я способен на большее. Впрочем, сейчас очаровательная непритязательность моих работодателей вполне меня устраивает. За работой я могу размышлять и имею все шансы стать философом. Часто я думаю о вас!

Роза рассмеялась:

– Проказник вы этакый! Но продолжайте, мне интересны ваши рассуждения.

– Вообще-то мир прекрасен, – снова заговорил Симон, – я могу сидеть у вас, и никто не мешает мне часами беседовать с вами. Я знаю, вы охотно слушаете меня. Находите, что

говорю я не без изящества, и в душе меня сейчас разбирает смех, оттого что я это сказал. Но ведь я выкладываю все, что приходит на ум, даже, к примеру, и самохвальства не боюсь. С такую же легкостью я могу и попенять себе, более того, меня радует, когда случается такая оказия. Разве нельзя высказывать всё? Сколь многое теряется, аккурат когда хочешь прежде не спеша все взвесить. Я не любитель долгих раздумий, говорю сразу, к месту ли, нет ли, говорю, и всё. Коли я тщеславен, пусть на свет выйдет мое тщеславие, коли скуп – скупость, коли порядочен, то в моих словах, несомненно, будет сквозить порядочность, а коли Господь сделает меня дельным человеком, в моих речах, о чем бы я ни вел разговор, будет звучать усердие. В этом отношении я нимало не беспокоюсь, оттого что немножко знаю себя и нас и оттого что стыжусь выказывать в беседе опаску. Если, например, я кого-нибудь обижу словом, оскорблю или разозлю, то разве не сумею загладить дурное впечатление несколькими следующими словами? Я задумываюсь о своих речах, только когда вижу на лице слушателя недовольные складки, вот как сейчас на вашем, Роза.

– Нет-нет, тут другое.

– Вы устали?

– Подите домой, Симон, ладно? Я и правда устала. Вы такой милый, когда говорите.

И очень мне нравиться.

Роза протянула своему молодому другу ручку, тот запечатлел на ней поцелуй, пожелал доброй ночи и отправился восвояси. А малютка Роза после его ухода долго тихонько плакала. Плакала о своем возлюбленном, молодом человеке с курчавой головой, изящной поступью, благородного рисунка ртом, однако ж по натуре легкомысленном.

– Получается, любят тех, кто этого не стоит, – сказала она себе, – и все же разве любишь за достоинства? Смешно. Какое мне дело до достоинств, коли я хочу любить.

Засим она легла спать.

Глава вторая

Однажды в полуденный час Симон довольно робко позвонил у садовой калитки красивого особняка. Услыхав звон колокольчика, он подумал, что позвонил как попрошайка. Если бы он сейчас сидел в доме, к примеру, как хозяин, может, аккурат за обедом, то не спеша обернулся бы к жене и спросил: Кто там звонит? Наверное, попрошайка! «Важных господ, – размышлял он в ожидании, – всегда представляешь себе за столом, или в экипаже, или за одеванием, когда им помогают слуги да служанки, а бедняков – на улице, на морозе, с поднятым воротником, как у меня сейчас, ожидающими у садовой калитки, с учащенно бьющимся сердцем. У бедных людей, как правило, сердца горячие, бьются быстро, у богатей – холодные, просторные, натопленные, с мягкой обивкою, заколоченные гвоздями! Эх, поскорей бы уж кто-нибудь прибежал, я бы вздохнул с облегчением. В этом ожидании у богатых дверей есть что-то цепенящее. Хотя я и имею кой-какой жизненный опыт, ноги у меня все равно как ватные». Он в самом деле дрожал, когда наконец прибежала служанка и открыла калитку. Симон всегда невольно улыбался, когда ему отворяли дверь и приглашали войти, вот и теперь не обошлось без улыбки, которая выглядела как смиренная просьба и, пожалуй, знакома многим.

– Я ищу комнату.

Симон снял шляпу перед красивой дамой, которая внимательно разглядывала своего гостя. Ему понравился ее внимательный взгляд, ведь он чувствовал, что она имеет на это право, и видел, что дружелюбности у нее не убывает.

– Проходите, пожалуйста! Сюда! Вверх по лестнице.

Симон пропустил даму вперед. И при этом впервые в жизни сделал рукою соответственный жест. Дама, отворив дверь, показала молодому человеку комнату.

– Какая прелестная комната! – воскликнул Симон с искренним удивлением. – Слишком хороша для меня, к сожалению. Слишком изящна. Должен вам сказать, я мало подхожу для такой изысканной комнаты. А все же с удовольствием бы здесь поселился, с большим, с превеликим удовольствием. Вообще-то напрасно вы мне ее показали. Лучше бы сразу выпроводили за порог. Смею ли я бросить взгляд в столь радостную, красивую комнату, будто предназначенную для божества? Эдакие красивые жилища под стать людям обеспеченным, имущим. А я никогда ничего не имел, никем не стал и, несмотря на надежды родителей, не стану. Какой чудесный вид из окна, какая красивая, блестящая мебель, какие прелестные шторы, придающие комнате что-то девичье. Здесь я бы, наверно, стал добрым, чувствительным человеком, коли верно говорят, что обстоятельства способны изменить человека. Можно мне еще немного полюбоваться, постоять еще минутку?

– Конечно, можно.

– Благодарю вас.

– Чем занимаются ваши родители и, с вашего позволения, в каком смысле вы «никто», как вы изволили выразиться?

– Я без места!

– Мне это совершенно безразлично. В том-то и дело!

– Нет, надежды у меня мало. Хотя, сказать по правде, так тоже говорить не след. Я полон надежды. Она никогда меня не покидает... Батюшка мой человек бедный, но жизнерадостный, у него и в мыслях нет сравнивать нынешние скудные дни с давним блеском. Он живет как двадцатипятилетний юноша и вовсе не задумывается о своем положении. Я им восхищаюсь и стараюсь ему подражать. Коли он в своем убеленном сединами возрасте способен быть бодрым, то его молодой сын стократ обязан не вешать голову и смотреть на

людей ярким, как молния, взглядом. Но от маменьки мне, а еще больше братьям досталось в дар множество помыслов. Маменька-то умерла.

Любезная дама, стоявшая рядом, сочувственно ахнула.

– Она была женщина добросердечная. Мы, дети, без устали вспоминаем ее, когда бы и где бы ни встречались. Жизнь разбросала нас в разные концы этого просторного большого мира, и очень хорошо, ведь все мы, знаете ли, таковы, что подолгу нам вместе быть негоже. Характер у нас у всех довольно тяжелый и был бы помехой, если бы мы разом являлись среди людей. Слава Богу, мы этого не делаем, и каждый из нас точно знает, отчего мы этого не желаем. Но мы любим друг друга, как подобает. Один из моих братьев – ученый, причем небезызвестный, второй – специалист в биржевом деле, третий – просто мой брат, так как я люблю его в первую очередь как брата и при мысли о нем мне в голову не приходит подчеркивать в нем что-то другое, кроме обстоятельства, что он мне родственник и выглядит именно так, вот и все. Вот сообща с этим братом я бы охотно у вас поселился. В комнате места вполне бы хватило. Только вряд ли получится. Какова плата за комнату?

– Кто ваш брат по профессии?

– Художник-пейзажист! Так сколько вы хотите за комнату?.. Так много? За эту комнату, конечно, не чересчур, но нам совершенно не по карману. А коли я хорошенько подумаю да внимательно на вас посмотрю, то мы двое все же не годимся в жильцы этого дома. Очень уж неотесанные, разочаруем вас. Вдобавок привыкли весьма бесцеремонно обходиться с постельным бельем, мебелью, умывальными принадлежностями, оконными шторами, дверными ручками, лестничными площадками, вас это приведет в ужас, рассердит, хотя, быть может, вы нас простите, постараетесь не придирааться, а это еще более унижительно. Мне бы не хотелось давать вам повод к будущим неприятностям. Да-да! Не протестуйте, пожалуйста. Я прекрасно отдаю себе в этом отчет. В сущности, нам изрядно недостает уважения к тонким материям. Людям вроде нас должно стоять у садовых оград богатых домов, где им дозволено отпускать насмешливые замечания насчет блеска и аккуратности. Мы насмешники! Прощайте!

Глаза красивой дамы неожиданно заблестели, и она сказала:

– Все же я хочу сдать комнату вам и вашему брату. О цене мы как-нибудь договоримся.

– Нет-нет, лучше не надо!

Симон уже спускался по лестнице. И тут дама крикнула ему вдогонку:

– Будьте добры, погодите! – Она поспешила за ним. Догнала его внизу, остановила и принудила выслушать ее: – Что это вы так заторопились? Видите ли, я хочу, да, хочу, чтобы вы оба поселились у меня. Даже если не станете платить! Какое это имеет значение? Никакого, совершенно никакого, идемте же, идемте. Войдите со мной в эту комнату. Мария! Где ты? Принеси кофе!

В комнате она сказала Симону:

– Я желаю ближе познакомиться с вами и с вашим братом. А вы едва не убежали прочь. Как вы только могли! Часто мне так одиноко в этом уединенном доме, что я дрожу от страха. Муж мой вечно в отъезде, в дальних странствиях, он ученый, бороздит моря, о самом существовании которых его бедняжка жена понятия не имеет. Ну разве я не бедняжка? Как вас зовут? И как зовут вашего брата? Мое имя – Клара. Называйте меня просто госпожа Клара. Мне приятно слышать это простое имя. Теперь вы чуть менее недоверчивы? Я была бы очень-очень рада. Вам не кажется, что мы вполне сможем жить бок о бок и хорошо ладить? Конечно же все получится. По-моему, вы человек мягкий, деликатный. И мне не страшно поселить вас в моем доме. У вас честные глаза. Ваш брат старше, чем вы?

– Да, он старше и куда лучше меня.

– Вы славный человек, коли можете так говорить.

– Меня зовут Симон, а брата – Каспар.

– А моего мужа зовут Агаппея.

При этих словах она побледнела, но быстро взяла себя в руки и улыбнулась.

Брату Каспару Симон написал вот что: «Все же мы с тобой чудачки. Скитаемся по земле так, будто одни только мы на ней и живем, а больше никто. И дружбу-то свели какую-то сумасбродную, будто среди мужчин не найдется более никого, кто бы заслуживал называться другом. В сущности, мы вовсе не братья, а двое друзей, какие порой встречаются в этом мире. На самом деле я не создан для дружбы и сам не пойму, какая такая необычайность твоей персоны снова и снова заставляет меня мысленно переноситься к тебе, быть рядом с тобой. Твоя голова кажется мне уже чуть ли не моею собственной, вот сколько места ты занимаешь в моих помыслах; еще немного – и я, глядишь, стану братья за всё твоими руками, ходить на твоих ногах и есть твоим ртом. В нашей дружбе явно есть что-то загадочное, ведь должен сказать, отнюдь не исключено, что, в сущности, сердца наши стремятся прочь друг от друга, да только не могут расстаться. И я очень даже рад, что ты пока этого не можешь, ведь письма твои звучат весьма мило, и мне самому покуда хочется оставаться в плену означенной загадочности. Для нас-то этак хорошо, ах, да можно ли выражаться столь сухо! Если честно, то, по-моему, просто восхитительно. Почему бы двум братьям не поломать рамки. Мы вполне под стать один другому и всегда были под стать, даже когда терпеть друг друга не могли и едва не передрались до смерти. Помнишь? Достаточно этого возгласа, сдобренного порцией здорового смеха, чтобы всколыхнуть в тебе, склеить, нарисовать, сброшюровать картины, которые поистине более чем достойны воспоминания. Не помню уже, по какой причине, но мы сделались смертельными врагами. О, мы умели ненавидеть. Наша ненависть была невероятно находчива в выискивании мук и унижений, каким мы подвергали друг друга. Как-то раз за обедом – приведу хотя бы один пример этого плачевного и ребячливого состояния – ты, поскольку иначе не мог, бросил мне тарелку квашеной капусты и вскричал: «Лови!» Должен тебе сказать, я тогда дрожал от ярости, уже оттого, что тебе представилась прекрасная возможность самым жестоким образом оскорбить меня, а я в ответ ничего сказать не умел. Я поймал тарелку и по глупости испил чашу оскорбления сполна. А помнишь, как однажды в полдень, тихий, знойный летний полдень, совершенно шальной от безмолвия, я нерешительно зашел к тебе на кухню и попросил вновь относиться ко мне по-доброму. Признаться, мне стоило невероятных усилий преодолеть себя и, победив чувство стыда и гордыню, прийти к тебе, недругу, исполненному презрительного неприятия. Я это сделал и благодарен себе, что сделал. Благодарен ли мне ты, не имеет ни малейшего значения. Оценить это могу только я. Уходи прочь, незачем меня перебивать. Да что ж это такое! Прочь!.. Сколь же много чудесных часов я с той поры провел с тобою. Неожиданно нашел тебя славным, любящим, заботливым. По-моему, радостное блаженство пылало на щеках у нас обоих. Мы с тобой – ты как художник, я как зритель и комментатор – бродили по лугам на широких горных склонах, купаясь в благоухании трав, в росе свежего утра, в зное полудня, во влажном, влюбленном солнечном закате. Там, наверху, деревья наблюдали за нами, а тучи сгущались, конечно же от досады, что не в их власти разрушить нашу новоиспеченную любовь. Вечером мы возвращались домой, вконец разбитые, запыленные, изголодавшиеся и утомленные, а потом ты вдруг уехал. Черт знает почему, но я еще и помогал тебе с отъездом, будто меня обязывали к этому карманные деньги или мне не терпелось спровадить тебя с глаз. Конечно, я искренне радовался, что ты уезжаешь, ведь перед тобою открывался большой мир. Но как же невелик этот большой мир, братец.

Приезжай поскорее сюда. Я могу дать тебе кров, как дал бы его невесте, полагая, что она привыкла спать на шелковых простынях и иметь множество слуг. Прислуги у меня нет, зато есть комната под стать благородному господину. Мы с тобой получили эту роскошную

chambre¹ просто даром, так сказать на блюдечке. Ты сможешь писать здесь картины ничуть не хуже, чем в своей тучной, жирной деревне. У тебя же есть фантазия. Вообще-то лучше бы теперь было лето, тогда бы я устроил в твою честь праздник в саду, с китайскими фонариками и цветочными гирляндами, чтобы встретить тебя мало-мальски достойным образом. Словом, приезжай, только не откладывай, иначе я сам за тобой приеду. Моя госпожа и квартирная хозяйка жмет тебе руку. Она уверена, что уже знакома с тобой по моим рассказам. А когда узнает наяву, не захочет знакомиться больше ни с кем на свете. Есть ли у тебя приличный костюм? Не слишком ли вытянулись брюки на коленях и заслуживает ли головной убор именоваться шляпою? В противном случае не смей являться мне на глаза. Шутки все это, глупости. Обнимаю тебя. Будь здоров, братец. Надеюсь, ты скоро приедешь».

Минуло несколько недель, дело опять шло к весне, воздух повлажнел, сделался мягче, обнаружились неясные запахи и звуки, словно исходившие от земли. А земля была мягкая, будто толстый, упругий ковер под ногами. Вроде как и птицы уже защebetали. «Весна идет», – говорили друг другу на улице взволнованные люди. Убогие дома и те дышали легким ароматом, даже цветом стали ярче. Все это казалось удивительным, хотя было давным-давно знакомо, однако ж воспринималось как нечто совершенно новое, возбуждало странные, сумбурные раздумья; тело, чувства, разум, помыслы – все пребывало в движении, словно вновь стремилось к росту. Воды озера блестели так ласково, а дуги мостов, переброшенные через реку, словно обрели более смелые очертания. Флаги трепетали на ветру, и народ с удовольствием ими любовался. Солнце выгоняло людей вереницами и толпами на красивую, белую, чистую улицу, где они останавливались, с жадностью подставляя лица поцелуям тепла. Многие уже сняли пальто. Мужчины вновь двигались свободнее, а у женщин глаза сделались необыкновенными, будто из их сердец просилась на волю сама благодать. Ночью опять впервые раздался звон бродячих гитар, а мужчины и женщины стояли среди сутолоки веселых, играющих ребятишек. Огни фонарей мерцали, как свечи в тихих комнатах, и, шагая по темным ночным лугам, ты чуял цветение и трепетание цветов. Скоро снова вырастет трава, деревья снова обнимут своею зеленью низкие крыши домов и заслонят вид из окон. Лес будет щеголять пышной, тяжелой листвой, о, этот лес... Симон опять работал в большом коммерческом учреждении.

Это был банкирский дом мирового значения, помещавшийся в большом, похожем на дворец здании, где трудились сотни людей, молодых и старых, обоего пола. Все они усердно писали, считали на арифмометрах, а порой, наверно, и в уме, думали о своем и с пользой применяли свои знания. Кое-кто из молодых, эlegantных банковских корреспондентов умел говорить и писать на четырех, а то и на семи языках. Эти отличались от остальных счетоводов более утонченными, иноземными манерами. Им уже доводилось плавать на морских судах, бывать в парижских и нью-йоркских театрах, они посещали чайные дома в Иокотаме и знали, как развлечься в Каире. Теперь они занимались здесь корреспонденцией и ждали повышения жалованья, насмешливо рассуждая о родной стране, которая казалась им маленькой и ничтожной. Счетоводы, в большинстве люди пожилые, цеплялись за свои должности и должностишки, словно за балки и столбы. От бесконечных подсчетов у всех у них вытянулись носы, а ходили они в залоснившемся, затертом, растянutom, измятом, неглаженном платье. Впрочем, попадались среди них и люди интеллигентные, которые, пожалуй, втайне предавались странному, дорогостоящим увлечениям и вели жизнь хотя и тихую, уединенную, но все же достойную. Многим молодым служащим, однако, утонченные развлечения были не по уму, в большинстве они происходили из семей сельских землевладельцев, трактирщиков, крестьян и ремесленников и, едва приехав в город, старались поскорее перенять изящ-

¹ Комнату (фр.).

ные городские привычки, что им, правда, удавалось плохо, они так и не умели преодолеть известную неотесанную грубоватость. Хотя и среди них попадались тихие юноши с мягкими манерами, странно отличавшиеся от прочих невеж. Директор банка был тихий старик, которого вообще никто никогда не видел. Наверно, в его голове сплетались нити и корни всего гигантского делового процесса. Как художник красками, музыкант звуками, скульптор камнем, пекарь мукой, поэт словами, крестьянин нивами, так этот человек словно бы думал деньгами. Его удачная мысль, возникшая в удачный миг, за полчаса приносила банку полумиллионный доход. Возможно! Возможно, больше, возможно, меньше, возможно, вовсе ничего, порой этот человек втихомолку нес убытки, а все его подчиненные знать об этом не знали, шли обедать, когда часы били двенадцать, в два возвращались, работали четыре часа, уходили домой, спали, просыпались, вставали завтракать, вновь, как вчера, шли в банк, вновь принимались за работу, и ни один не удосужился – по недостатку времени – разузнать что-либо об этом таинственном человеке. А тихий нелюдимый старик сидел в директорском кабинете и думал. К делам своих служащих он относился с легкой усталой усмешкой, в которой сквозило что-то поэтическое, возвышенное, задумчивое и властное. Симон часто пробовал мысленно поставить себя на место директора. Но в общем и целом образ ускользал, а если он об этом задумывался, то вовсе терял всякое представление: «Тут есть что-то горделивое и возвышенное, но и что-то непостижимое и почти нечеловеческое. Почему все эти люди, писари и счетоводы, даже девушки нежнейшего возраста, заходят в одну и ту же дверь одного и того же дома, чтобы черкать, пробовать перья, считать и жестикулировать, зубрить и сморкаться, точить карандаши и носить в руках бумаги? Они это делают с охотой, или по необходимости, или с сознанием, что заняты чем-то разумным и плодотворным? Являются сюда с самых разных концов, некоторые даже приезжают издалека, по железной дороге, напрягают слух, не достанет ли времени до работы уладить частное дельце, притом они терпеливы, как стадо овец, с наступлением вечера все опять расходятся в разные стороны, а назавтра, в тот же час, опять собираются здесь. Видят друг друга, узнают по походке, по голосу, по манере открывать дверь, хотя мало чем связаны между собой. Они похожи один на другого, но тем не менее совершенно чужие и, если один из них умрет или совершит растрату, будут целое утро этому удивляться, а затем все пойдет по-прежнему. Порой с кем-нибудь случается удар, прямо за писаниной. И какой ему тогда прок от того, что он пятьдесят лет “проработал” в этом учреждении. Пятьдесят лет каждый день входил-выходил в одну и ту же дверь, тысячи и тысячи раз использовал в деловых письмах один и тот же оборот, сменил несколько костюмов и частенько дивился, как мало ботинок износил за год. А теперь? Можно ли сказать, что он жил? И не точно ли так живут тысячи людей? Может, содержание жизни для него составляли дети, может, жена была ему светом бытия? Да, вполне возможно. Пожалуй, не стоит мне вдаваться в такие материи, думаю, мне это не пристало, я ведь еще молод. На улице сейчас весна, впору выпрыгнуть в окно, так меня раздражает долгая-предолгая невозможность размять члены. Банковское здание весной – штука нелепая. Интересно, как бы выглядел банк, скажем, посреди пышного зеленого луга? Может, писчее перо показалось бы мне юным, только что распустившимся цветком. Ах нет, насмехаться негоже. Может, так и должно быть, может, все имеет смысл. Просто я не вижу взаимосвязи, потому что в первую очередь вижу пейзаж. А он наводит на меня легкую хандру: за окнами небо, в ушах сладкий щебет. По небу плывут белые облака, а я должен заниматься писаниной. Почему я примечаю облака? Будь я сапожником, хоть обувь тачал бы для детей, мужчин и дам, они бы в вешний день гуляли по улице в моих башмаках. И я бы чувствовал весну, увидав свой башмак на чужой ноге. Здесь я чувствовать весну не могу, она мне мешает».

Симон поник головой, рассердившись на свои размякшие чувства.

Однажды вечером, когда Симон, возвращаясь домой, шел через освещенный фонарями мост, он заметил впереди человека, который направлялся куда-то широкими шагами. Стройная фигура в пальто наполнила его сладким испугом. И походка, и брюки, и странная шляпачотелок, и развевающиеся волосы казались до боли знакомыми. Под мышкой мужчина нес легкую рисовальную папку. Охваченный трепетными предчувствиями, Симон пошел чуть быстрее и вдруг с криком «Брат!» бросился прохожему на шею. Каспар обнял младшего братишку. Громко разговаривая, они продолжили путь к дому, для чего пришлось подниматься довольно круто в гору, по склону которой город разбросал свои сады и виллы. На самом верху их встретили маленькие, покосившиеся домишки предместья. Закатное солнце пылало в окнах, превращало их в прекрасные сияющие очи, недвижно устремленные вдаль. Внизу лежал город, привольно и блаженно раскинувшийся на равнине искристым, переливчатым ковром; оттуда долетал перезвон вечерних колоколов, звучащих всегда иначе, нежели утренние; неясным контуром причудливой, невыразимой формы проступало озеро – у ног города, горы и множества садов. Покамест зажглись далеко не все огни, но те, что зажглись, горели замечательно ярко. Внизу люди теперь шагали-спешили по всем кривым, укромным улочкам – не разглядишь, но знаешь: они там.

– Наверно, здорово пройтись сейчас по шикарной Вокзальной улице, – сказал Симон.

Каспар шел молча. Он стал мужчиной хоть куда. «Ишь, как вышагивает», – подумал Симон. Наконец они добрались до дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.